

Современный бракъ, его неустойчивость и закрѣпы семейнаго счастья. Выт. 2, 18.

Забвеніе христіанскихъ завѣтовъ, нарушеніе отце-преданныхъ обычаевъ, построеніе жизни по новому западному образцу, гдѣ главное значеніе имѣетъ не церковь съ ея молитвословіями, полными чарующей прелести и небесной поэзіи, а свѣтскія развлеченія и удовольствія, при постоянной жадѣ новизны ощущеній, крайне печально отражается на современномъ бракѣ. Распаянность семейныхъ узъ по всеѣмъ наблюденіямъ представляется поразительной и сдѣлалось эпидемическимъ зломъ. Число разводовъ все увеличивается. Увеличивается число несчастныхъ браковъ.

Есть романъ Потапенко—Живая жизнь, затрогивающій вопросъ—отчего такъ много несчастныхъ браковъ. Герой романа Германъ Лозовскій развиваетъ цѣлую теорію по этому вопросу. Сущность его теоріи—«о чужихъ половинахъ» заключается въ слѣдующемъ: человекъ долженъ состоять въ сущности изъ двухъ половинокъ, которыя блуждаютъ по свѣту каждая въ отдѣльности. Если при вступленіи въ бракъ человекъ найдетъ половину, то онъ счастливъ, если нѣтъ, то въ результатѣ несчастный бракъ и тоскливое томленіе духа до гробовой доски. Очевидно, писатель хотѣлъ какъ можно рельефнѣе выразить, что идеальный образъ мужчины и женщины, преломляясь въ призмѣ неодинаковой, измѣнчивой и непостоянной природы человека, до такой степени разнобразится своимъ содержаніемъ, что у каждого человека существуетъ свой собственный идеалъ. И вотъ одна половина человѣческаго рода съ упорнымъ усиленіемъ вглядывается въ другую, въ надеждѣ найти «подобную по нему», съ такими же идеалами, стремленіями, желаніями и съ родственнымъ взглядомъ на конечную цѣль своего бытія. Поэтъ прекрасно выразилъ эту мысль:

Мы одно съ тобою любимъ съ колыбели,
И одной мы молимся святынь,
О, пойдемъ же вмѣстѣ къ лучезарной цѣли,
Вмѣстѣ въ людномъ мірѣ какъ въ глухой пустынѣ.

Но людный міръ создалъ такую сложную и запутанную сѣть взаимныхъ отношеній, что весьма трудно бываетъ отличить настоящій брилліантъ отъ поддѣльнаго. Поэтому ошибки юности разрѣшаются часто въ печальныя коллизіи брака. Мужчина съ идеальными стремленіями,

полный вѣры въ честность и нравственную чистоту женщины, съ сердечной любовью и душевной привязанностью, готовый на всякія жертвы ради подруги жизни, данной ему Богомъ «помощницы къ нему», попадаетъ въ сѣти бездушной, безсердечной женщины, которая своимъ эгоизмомъ и необыкновенной чисто женской жажды новизны ощущеній и впечатлѣній подавляетъ, а иногда и убиваетъ все то, что въ немъ было высокаго и благороднаго и наоборотъ, безчестному, безсердечному эгоисту мужчинѣ, часто алкоголику, отдается въ жертву невинная, чистая, благородная женщина и онъ своимъ поведеніемъ осверняетъ святыни ея души, позоритъ ея чистое имя и разбиваетъ немощной соудъ ея благодати: любовь ея смѣняется тупымъ къ нему равнодушіемъ съ чувствомъ горькой, иногда даже злой, неприязни. Въ концѣ концовъ бракъ приноситъ и мужу и женѣ несчастье: идеалы разбиваются. надежды смѣняются разочарованіемъ и отчаяніемъ; мужъ бросаетъ жену, жена бѣжитъ отъ мужа. Современное общество настолько ожилось и примирилось съ этимъ явленіемъ, что не только безъ боли и отвращенія, но перѣдко съ удовольствіемъ и, если не явнымъ, то тайнымъ одобреніемъ выслушиваетъ и повторяетъ самую исторію развода или разрыва законнаго супружества, и художественнымъ воспроизведеніемъ измѣня въ супружеской жизни вохищается и унижается.

Романы эти, полные увлекательныхъ картинъ борьбы между мужчиною и женщиною, законныхъ и незаконныхъ разводовъ, безконечной цѣли увлеченій, разочарованій, надеій и нравственной распущенности перѣдко даже служатъ какъ бы... руководствомъ нравственности. Последствія плачевны. Люди мучаютъ сами себя и не понимаютъ — отчего страдаютъ: мужъ и жена, оставившіе другъ друга въ надеждѣ создать союзъ болѣе легкій, удобный и пріятный, хотя и преступный, болышею частію надѣваются ярмо, несравненно тяжелѣе семейнаго ига, освященнаго Христомъ. Часто даже безъ всякаго повода стараются изыскать поводъ для разводовъ. Толстой мимоходомъ задѣваетъ этотъ вопросъ.— «Ну, да какъ жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ? — все торопилась дама высказать свои сужденія, которыя, вѣроятно, казались ей очень новыми». «Прежде этого не разбирали, внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ, нынче только завелось это. Какъ что, жена сейчасъ говоритъ: «я отъ тебя уйду! У мужиковъ на что и на это самое мода завелась. Ну, вотъ и толкуй! а въ женщинѣ первое дѣло страхъ долженъ быть.

Какой-же это страхъ? сказала дама. А такой: да боится своего мужа. Вотъ какой страхъ. Ну, ужъ это батюшка время прошло, даже съ нѣкоторой злобой сказала дама. — „Нѣтъ, сударыня! Этому времени пройти нельзя. Какъ была она. Ева, изъ ребра мужчины сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка.

Здѣсь толстовскій мужикъ, къ сожалѣнію, сократилъ апостольскія слова—мужіе, любите своя жены, якоже и себе, а потомъ уже, какъ слѣдствіе этой непремѣнной причинны—жена да боится своего мужа, какъ бы не потерять его любовь и мужъ да боится своей жены, дабы не утратить ея любви. Въ Писаніи прямо сказано: «что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ». Если прекрасная, пользовавшаяся уваженіемъ людей женщина не выдержала, значить, силы ея оказались слабы, у нея не было поддержки и теплаго участія, которое могло бы согрѣть охлаждающую душу, оживить прекрасные цвѣты высокихъ идеаловъ, воскресить потухающую вѣру въ семейное счастье и пробудить любовь къ мужу и жизненной борьбѣ. Какъ прежде «изначала», такъ и до нынѣ женщина является причиною паденія и возстанія. Съ паденіемъ женщины падаетъ и мужчина, съ возвышеніемъ женщины, возвышается и мужчина. Чистая и вѣрная жена, любящая нѣжно своего мужа, является его «ангеломъ-хранителемъ». Рѣдко и хорошо воспитанный мужъ удерживаетъ отъ паденія дурно воспитанную жену и самъ удерживается отъ искушенія. Напротивъ, весьма часто благочестивая жена и сама свято хранитъ тайну супружества, покрывая все христіанскою любовію и неблаговоспитаннаго мужа удерживаетъ въ границахъ долга. Нѣтъ на свѣтѣ столь грубаго и развращеннаго человѣка, который бы не сдержалъ своихъ низкихъ порывовъ, и не преклонился бы предъ чистотою и непорочною душою своей доброй жены, потому что и въ немъ еще тлѣетъ искра Божія. Всякое несогласіе, всякое нерасположеніе, которое въ теченіе многихъ лѣтъ взаимно отталкивало супруговъ, впоследствии мирно улаживаются; время сглаживаетъ неровности характеровъ, супруги научаются понимать другъ друга, уживаться между собой и, такимъ образомъ, послѣ многихъ лѣтъ пасмурной жизни, они часто вкушаютъ радости въ поздніе годы послѣдней. «Не обрѣтать счастье, говоритъ мудрецъ, а заслуживать его», вотъ цѣль нашего существованія, почему жена должна исполнять свои обязанности, независимо отъ того, приноситъ ли ей бракъ обильную чашу счастья, или ее постигаетъ въ немъ тяжелая участь.

Естественно является вопрос—долженъ ли продолжаться брачный союзъ, разъ открылась невѣрность съ одной стороны и какъ быть, когда охлаждаетъ любовь супруговъ, т. е. является любовь къ другому или другой?

Прелюбодѣянiемъ оканчивается брачная жизнь: цѣльный живой организмъ разсѣкается на двое. Временное же охлажденiе любви въ супругахъ нисколько не даетъ права на расторженiе брака, какъ не даетъ права на самоубiйство временное отвращенiе къ своей жизни. Какъ въ послѣднемъ случаѣ надобно жить, не прибѣгая къ самоубiйству, ставя главною своею цѣлю нравственное совершенство, при которомъ невозможно отвращенiе къ себѣ, такъ и въ бракѣ при охлажденiи супружеской любви слѣдуетъ стремиться не къ разводу, а къ погашенiю новой любви, такъ какъ и она можетъ оказаться, съ обыкновенной точки зрѣнiя, измѣнчивой, съ христіанской—безусловно грѣховна: если иже воззрѣть на жену съ вождѣлiемъ, уже прелюбодѣйствова въ сердцѣ своемъ—и возвращенiю въ лоно семьи, твердо памятуя слова апостола: привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенiя, отрѣшился ли еси жены, не ищи жены (1 Кор. 7, 27—28). А разъ духовное влеченiе къ новой личности завершается физическимъ прелюбодѣянiемъ, то семейная жизнь подрывается въ самой основѣ своей, такъ какъ здѣсь физически разрушается слiянiе двухъ въ одну плоть. Всякая жена вправѣ или не жить съ мужемъ брачно, оставаясь съ нимъ ради любви къ дѣтямъ и ихъ участи, или же советѣмъ уйти отъ него, какъ и мужъ воленъ оставить невѣрную жену. И только весь духъ христіанства говоритъ за то, что лучше ему или ей простить виновную сторону, *если она сполннѣ сознала свое паденiе и искренно желаетъ вернуться въ лоно семьи*, свято соблюдая на будущее время брачное цѣломудрiе. Въ этомъ случаѣ невинной сторонѣ слѣдуетъ вестакѣ припомнить, не было ли какихъ-либо причинъ и съ ея стороны къ паденiю виновной, и если уже прощать, то прощать отъ всего сердца и сдѣлать самое возвращенiе въ лоно семьи возможно легкимъ, т. е. помочь виновной сторонѣ съ наименьшей болѣзненностью пережить трудный кризисъ, когда въ душѣ человѣка горитъ поистинѣ адскiй огонь стыда, боли и раскаянiя. Примѣръ уже далъ Христосъ—когда привели къ нему женщину, ятую въ прелюбодѣянiи, такъ какъ именно законъ *такихъ* приказывалъ побивать камнями, но Онъ, признавая, что законъ даетъ право побить камнями эту женщину, однако

сказалъ: кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый пусть броситъ камень.... иди, Я не осуждаю тебя, но.... впередъ не грѣши. Трогательная исторія съ блуднымъ сыномъ раскрываетъ картину такого духовнаго голода и жгучей тоски по своей семьѣ, что невольно приходится глубоко призадуматься, чтобы вынести виновной сторонѣ обвинительный приговоръ и сказать: поступайте по закону и признавайте всегда вину прелюбодѣянннхъ исполнѣ достаточной для расторженія семей.... Да, «онъ» или «она», сохранившіе свято брачный обѣтъ цѣломудрія правы, когда отказываются жить съ виновной стороной, и никто не можетъ осудить ихъ: это ихъ неотъемлемое право, но пусть они помнятъ отвѣтъ Спасителя: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень.

И такъ причина неустойчивости современнаго брака заключается вовсе не въ томъ, что «они не сошлись де характерами», вѣдь можетъ же перевоспитать себя взрослый человѣкъ, и не въ томъ, что «они разошлись во взглядахъ, хотя раньше этого не замѣчали, такъ какъ были сильно увлечены другъ другомъ» — чѣмъ же увлечены — чувственностью, — вѣдь разойтись въ главномъ взглядѣ на бракъ совершенно нельзя, если ясно сознавать, что такое бракъ, а именно нравственное нездоровье — моральная распущенность, у мужчинъ — сопровождающаяся чрезмѣрнымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, у женщинъ — соединенная съ необыкновенной жаждою новизны ощущеній и наблюденій, какъ въ другомъ новомъ по новому вспыхиваетъ страсть и по новому проявляется чувственное влеченіе — вотъ главная причина неустойчивости современнаго брака. Къ ней уже присоединяются и второстепенныя, какъ напр. противоположность психическихъ наклонностей, или физическое несородство, какал-либо болѣзнь, и др.

Гражданинъ, конечно, желаетъ введенія, какъ со стороны государства, такъ и со стороны церкви, болѣе строгихъ законовъ, касающихся заключенія и расторженія браковъ, законовъ, кои были бы тѣми закрѣпами, или устоями, коими скрѣпляли бы семейный союзъ. Предлагалось, какъ закрѣпа семейнаго счастья, введеніе прогрессивнаго налога на холостяковъ, начиная съ небольшой суммы съ 20-лѣтн. возраста и кончая все возрастающемъ налогомъ на разные пріюгы для дѣтей и несчастныхъ женщинъ и родовспомогательныя учрежденія, такъ какъ холостяки, по преимуществу, являются виновниками въ нарастаніи подобныхъ учреждений. Устанавливалось, какъ правило, чтобы брачу-

шіеся представляли медицинское свидѣтельство о состояніи своего здоровья. Указывалось на то, чтобы въ случаѣ развода виновная сторона, все равно будь то мужчина или женщина—обязаны платить дѣтямъ на содержаніе и виновная жена обязана платить даже.... въ пользу мужа, какъ мужъ въ случаѣ измѣны обязанъ ей выдавать на содержаніе. Всѣ такія мѣры—суть палліативы. *Христианамъ* знаетъ, что не въ внѣшнихъ юридическихъ нормахъ слѣдуетъ искать закрѣповъ семейнаго счастья, а во внутреннемъ сознаніи и пониманіи смысла и цѣли брачнаго сопряженія, въ общности супружескихъ интересовъ религіозныхъ, нравственныхъ и практическихъ, а главное въ *твердомъ сознаніи принятаго на себя супружескаго долга*, въ чувствѣ ответственности предъ Богомъ, самими собой, дѣтьми, обществомъ и государствомъ. Идея супружескаго долга очень мала развита въ современномъ обществѣ, между тѣмъ еще Тургеневъ писалъ: «одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже и не наслажденіе.... жизнь тяжелый трудъ.... Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: неисполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны не были, а исполненіе долга—вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку. Не наложивъ на себя цѣпей желѣзныхъ, цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща». Тѣмъ же великимъ идейнымъ духомъ проникнуты слова Лѣскова: «кто Бога любить, тотъ ему вѣрить: это нужно для счастья людей, потому что въ Его ученіи сокрытъ путь ко всеобщему счастью, но чтобы идти этимъ путемъ.... надо вѣрить.... надо сдвинуть, что тяжелѣе и крѣпче горы и для того надо быть готовымъ на все».

Сдвинуть гору современной лжи и семейныхъ неурядицъ можетъ женщина... и только. Она должна вернуть современному обществу крѣпкую семейную жизнь, твердый семейный укладъ, истинное супружеское счастье. Основа семьи вовсе не мужчина, а женщина: она и созидаетъ и разрушаетъ семейный очагъ. И такъ какъ семья держится исключительно женщиной, которая призвана была здѣсь женой, хозяйкой и, главнымъ образомъ, матерію, то нарушители святости семейнаго очага обычно подкапываются подъ этотъ фундаментальный тройственный принципъ семейнаго уклада, выставляя всяческія софизмы.

Самый ходичій софизмъ тотъ, что женщина—не самка и, заставляя

ее быть женой, ее принуждают заниматься не симпатичнымъ ей дѣломъ, не даютъ ходу ея личнымъ талантамъ, обрекаютъ ее на бездѣтельность. Но зачѣмъ же тогда выходить замужъ? Свободная *дѣвушка* свободно выбираетъ для себя подходящую ей профессію, но, обязавшаяся мужемъ *жена*, должна быть по отношенію къ нему прежде всего жена, какъ и онъ по отношенію къ ней—мужъ. Многие, какъ во время оно и Толстой, въ своей Крейцеровой сонатѣ, хотятъ загрязнить самую пѣдрабрака, лоно семьи, забывая, что въ христіанствѣ честна женитба во всѣхъ и може нескверно. Учить, что половое общеніе въ супружеской жизни противоестественно, что половая любовь есть антихристіанское явленіе, совершенно противорѣчащее законамъ эстетики, и что супруги должны стремиться къ закънѣ плотской любви отношеніями брата и сестры—значитъ становиться въ разрѣзъ со всѣмъ церковнымъ ученіемъ о бракѣ.....

Любить мужа, жить съ нимъ, сознавать, что въ жилахъ ея течетъ его кровь и быть женой ему одному „ни для кого, какъ для мужа и на оборотъ—любить жену, жить съ ней, сознавать ее, какъ свое тѣло и быть мужемъ ей одной—ни для кого, какъ для жены“—истинно христіанское пониманіе брачнаго сопряженія. Силою этой любви супруги сходятся въ личномъ жизненномъ единеніи какъ бы въ одно лицо. Отсюда и требованіе апостола: жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. И въ огражденіе чистоты семейной жизни прибавляетъ: не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ, а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобы не смущалъ васъ сатана невоздержаніемъ плоти (1 Кор. 7, 8). Замѣчено, что супруги, истинно любившіе другъ друга всю жизнь, къ старости становятся нѣсколько похожи другъ на друга даже физически; все, что было отрицательнаго въ отношеніи одного къ другому, обращается съ обѣихъ сторонъ въ ихъ взаимное утвержденіе и безусловную свободу другъ въ другѣ. По силѣ такой любви жена должна поконть мужа ласковымъ обращеніемъ, нѣжнымъ участіемъ въ его заботахъ и трудахъ, остерегаться, что бы чѣмъ нибудь не оскорбить своего уважаемаго друга. Привѣтливостью и крѣпостью она должна открыть мужу свободу и просторъ духа въ исполненіи его обязанности, отнявъ у него половину заботъ о семействѣ и сдѣлать свой домъ святилищемъ порядка, мира и счастья, что бы мужъ

выходилъ изъ дома съ покойнымъ духомъ и возвращался домой, хотя усталый, но радостный, въ ожиданіи послѣ своихъ занятій дома найти радостное отдохновеніе, тихій покой и добрый совѣтъ, который слѣдовало бы за нимъ и въ общественной его дѣятельности. Ея отношенія къ семьѣ, такимъ образомъ, налагаютъ на нее новую обязанность-хозяйничать въ домѣ.

Быть хозяйкой—особенно не правится современной женщинѣ. Безспорно, что механическая дѣятельность хозяйки можетъ быть выполнена лицомъ наемнымъ. Но.. хозяйки, которая съ умѣніемъ и прилежаніемъ отдается своему дѣлу, выполняетъ прямую свою задачу въ смыслѣ экономическомъ. „Если домашнее хозяйство, гворить Милль, ведется не на проценты съ капитала, а на доходы отъ труда, то самое правильное раздѣленіе труда между обоими супругами выражается въ томъ, что мужъ зарабатываетъ, а жена ведетъ домашнее хозяйство». „Желательно, пишетъ Феллингъ, что бы мать не была вынуждена искать заработка внѣ дома“.

Самая же главная святая обязанность женщины въ семьѣ—быть матерію. Мать! Сколько нѣжности и чарующей прелести въ этомъ словѣ! Вся бѣда современнаго брака въ томъ-то и заключается, что многіе придумываютъ разныя средства къ предохраненію себя отъ того, чтобы быть матерію.

Печально и то, что находятъ матери, отдающія свое материнство за чечевичную похлебку—т. е. если стали все таки противъ желанія матерями—ввѣряютъ свою плоть и кровь кормилицамъ, а потомъ и гувернанткамъ. Мать сознательно лишается счастья увидѣть первое развитіе своего ребенка и сберечь его. Между тѣмъ, въ качествѣ матери—воспитательницы дѣтей женщина является величайшей силой въ государствѣ, оказываетъ весьма глубокое и важное вліяніе на общественную жизнь, церковь и государство; потому, что все будущее поколѣніе въ первой стадіи своего развитія находится въ рукахъ женщины. Подъ ближайшимъ и исключительнымъ, можно сказать, вліаніемъ и надзоромъ матери совершается труднѣйшее и многоплоднѣйшее дѣло—первоначальное образованіе ума, чувства и характера будущаго „человѣка“ въ петинномъ пониманіи этого слова. „Ея рожденіе, кормленіе, возвращеніе дѣтей будетъ полезно только тогда, когда она будетъ выращивать дѣтей не просто для своей радости, а будущихъ слугъ челоѣчества; когда

воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя истины и для блага людей (Толстой). Несомнѣнно, что дитя еще въ утробѣ матери живетъ ея жизнью, и то или другое настроеніе ея отражается и на немъ, а съ молокомъ матери, съ зародышами тѣлесной природы и часто самаго тѣлеснаго образа и подобія матери дитя воспринимаетъ и черты духовнаго нравственнаго образа. Величайшіе люди большею частію воспитанію и ваіяннію своихъ матерей обязаны были счастливымъ развитіемъ своихъ талантовъ и духовныхъ дарованій и міръ этимъ матерямъ отчасти обязанъ тѣмъ, что ихъ сыновья совершили для славы своего отечества, для искусства и науки, для блага и счастья челоовѣчества. Значить, какъ должна женщина мать дорожить своимъ материнствомъ, всецѣло отдаваться своему ребенку, сама оберегая и физическое и умственное его развитіе, потому что если ребенку прирождены духовные и моральные задатки, то воспитаніе можетъ развитъ ихъ въ гармоніи или же дать ложное направленіе. Значить, насколько должны быть внимательны и осторожны матери, чтобы дѣтства ихъ дѣтей не коснулась рука скверныхъ.

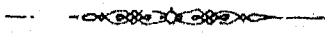
Всякое недомоганіе улья дотолѣ опасно и не странно, доколѣ жива и здорова его «матка». Никогда ничего подобнаго не было бы, если бы всѣ дѣти развивались подъ благотворнымъ влияніемъ и любящимъ водительствою родной матери. Истинная мать, совершенно равнодушная къ оболещеніямъ свѣта, не печалится о томъ, что взамѣнъ шировъ, баловъ и толпы поклонниковъ ей приходится превращаться въ кормилицу, сидѣть надъ пеленками и дрожать за каждый часъ благополучія своего ребенка, быть можетъ больнаго и уродливаго. Всѣ эти лишения ей замѣняетъ радостное сознаніе, что она отдаетъ жизнь любимому существу, что она живетъ не для себя, а для другого.

Награда за такой великій, безцѣнный подвигъ лежитъ въ самомъ материнствѣ: оно обнимаетъ собою цѣлый міръ страданій и радостей, достается нерѣдко цѣною самопожертвованія и самоотреченія, но за то приноситъ женскому сердцу полное забвеніе прежнихъ страданій и мученій, вознаграждаетъ за несбывшіяся желанія и мечты, утѣшаетъ во всякомъ горѣ, примиряетъ со всякой враждой и если дается цѣною тяжелыхъ заботъ, безсонныхъ ночей, многихъ лишеній и жертвъ, то сумма доставляемыхъ имъ радостей и семейнаго счастья все же превышаетъ сумму сопряженныхъ съ нимъ страданій. Самоотверженный, невидимый людьми, без-

наградный трудъ, съ опасностью жизни и до послѣдней степени напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ даетъ полное забвеніе и примиреніе съ жизнью. Истинная мать, по словамъ Толстого, сама родить, сама выкормить, сама будетъ прежде всего другого, кормить и готовить пищу дѣтей, и шить, и мыть, и учить своихъ дѣтей, и спать и говорить съ ними, потому что въ этомъ *она полагаетъ дѣло своей жизни...*

И блаженны дѣти такихъ благословенныхъ семействъ! Расправивъ могучія крылья и мѣрно выплывъ изъ родного гнѣзда на широкое поле общественной дѣятельности, они всегда оказываются нравственно-крѣпкими и стойкими въ упорной жизненной борьбѣ, не поддаваясь тлетворнымъ безправственнымъ влияніямъ, такъ какъ образъ дорогой матери, какъ яркая звѣздочка въ темную ночь, отрадно глядитъ на нихъ, напоминая о Чудномъ Свѣтѣ и указывая имъ правильный курсъ на морѣ житейскомъ! Свое безутѣшное горе о потерѣ горячо-любимой и безконечно-дорогой матери Ленау повѣдалъ міру въ такомъ реальномъ видѣ: „Лань, раненная безжалостной рукой стрѣлка, бѣжитъ укрыться въ самую глубь лѣса къ источнику, студеной вода котораго могла бы смыть ея рану и утолить жгучую боль... Человѣку, что бы утолить боль, которая его терзаетъ, надо укрыться у родного своего очага и прильнуть къ любвеобильному материнскому сердцу, гдѣ вѣришь всего найдешь утѣшеніе. Къ несчастію, матери у насъ умираютъ слишкомъ рано. Если твою мать похоронили, бѣги въ самую глубь мѣстной чащи, гдѣ укрывается раненная лань, и плачь тамъ горькими слезами“. (Стихотв. Прибѣжище).

Священникъ В. Сокольскій.

Ко дню торжественнаго открытія св. мощей Святителя Іоасафа (Горленко), Епископа Бѣлгородскаго.

Веселится днесь, возлюбленные братіе, Церковь небесная, празднуетъ Церковь земная, торжествуетъ Русскій народъ! И какъ не радоваться намъ, какъ не веселиться православному народу Русскому? Совершается новое торжество православія, явилось новое доказательство правоты св. вѣры нашей!